ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМК
Фонд №
Арх. № лист

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

St. Petersburg | 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

Санкт-Петербург | 2018

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:
М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор), Н. А. Лазаревская (отв. секретарь), Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:
M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor), N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov, V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:
д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:
Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. – 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. – Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. – 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IIMK RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IIMK RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IIMK RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

ISBN 978-5-907053-08-3

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (*Л. М. Всевиов, М. В. Медведева*) 9

Биография Г. В. Длужневской в фотографиях 20

С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла 24

ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской 30

Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие 30

С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам 35

Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... 38

Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея 41

С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской 45

А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской 47

Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... 51

А. О. Машезерская. Архив возможных отношений 56

А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО 58

Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции 63

ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири 69

Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа) 69

К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников 79

М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы 86

А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода 96

М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага 104

М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии 113

С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия) 117

В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы 120

С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины 128

С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника 132

Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокэльской культуры Катылыг 5 в Туве 140

П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве 145

Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы 149

Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской 156

В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея
(к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей) 163

В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента 168

А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль 178

ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях 185

И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии 185

Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроект книгопродавца Карла Рикерра 194

М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «…Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций…»:
Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу 200

Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири 205

Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле 212

В. А. Алёкшин. Парижские университеты А. А. Миллера
и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905) 219

Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц:
1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву 227

А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения
в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге 240

Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма 264

В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период
(по материалам НА ИИМК РАН) 270

С. В. Белецкий. Неизвестные фотографии Пскова 1946 года 280

Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии
в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы) 285

О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани:
на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.) 294

В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник
по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг. 300

В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг. 303

А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии
(по материалам полевых дневников В. П. Левенка) 313

Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам… Послесловие редактора 318

Список сокращений 322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (*L. M. Vseviov, M. V. Medvedeva*) 9

Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos 20

S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle 24

PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya 30

E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). Scientific research activities and the documentary heritage 30

S. N. Astakhov. Per aspera ad astra 35

B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude... 38

Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey 41

S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya 45

A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya 47

L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate... 51

A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations 56

A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO 58

D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†).The Crimean album published in Turkey 63

PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia 69

D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis) 69

K .V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period 79

M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva 86

A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period 96

M. A. Devlet, E. G. Devlet (†).Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyu-Mozaga 104

M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia 113

S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia) 117

V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva 120

S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression 128

S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery 132

T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva 140

P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva 145

B. B. Ovchinnikova. Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva 149

G. G. Korol. The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya 156

V. A. Zav'yalov. From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey
(the problem of building andlocalization of Uigur fortresses) 163

V. I. Raspopova. Felt and fur in the paintings of Panjakent 168

A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy. Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul 178

PART III. The history of science in documents and photographs 185

I. L. Tikhonov. Role of photography in studies of the history of archaeology 185

E. V. Barkhatova. Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker 194

M. D. Bukharin, I. V. Tunkina. "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...".
A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz 200

L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova. Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia 205

E. Yu. Zakharova. Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland 212

V. A. Alyokshin. Parisian universities of A. A Miller
and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905) 219

N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov. Correspondence from two capitals:
1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev 227

A. E. Musin. The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history
on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute
of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg 240

N. D. Moiseeva. Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards 264

V. N. Sedykh. A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary
period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS) 270

S. V. Beletskiy. Unknown photographs of Pskov of 1946 280

N. I. Platonova. Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s) 285

O. M. Mel'nikova. North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan:
at the turning point of historical epochs (1917–1921) 294

V. S. Sobolev. 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source
on the history of the Kunstkammer. 1776–1783 300

V. A. Prishchepova. Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s 303

A. N. Bessudnov. Pages of the history of the Upper Don archaeology
(Materials from the field journal of V. P. Levenok) 313

N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor 318

List of Abbreviations 322

С. В. Панкова[1]

Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника

Ключевые слова: *Южная Сибирь, таштыкская культура, Оглахтинский могильник, прически, волосы, косы.*

Keywords: *Southern Siberia, Tashtyk culture, Oglakhtynsky burial ground, coiffures, plaits.*

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-132-139

Получить достоверное представление об облике древнего населения, в частности убранстве волос, удается довольно редко. Особый в этом отношении случай представляют погребения Оглахтинского могильника в Хакасии (III — начало IV в. н. э., таштыкская культура). Среди хорошо сохранившихся предметов из органических материалов здесь обнаружены косы и другие принадлежности причесок, позволяющие реконструировать способы оформления волос у населения Минусинской котловины в первой половине I тыс. н. э.

В трех погребениях, исследованных А. В. Адриановым в 1903 г. (могилы 1 и 2) и Л. Р. Кызласовым в 1969 г. (могила 4), сохранились косы как части причесок погребенных, а также деревянные и костяные шпильки и различные футляры-накосники. Особенность таштыкских грунтовых погребений — присутствие в одних и тех же могилах останков людей, погребенных по разным обрядам. Часть взрослого населения хоронили по обряду ингумации с трепанированными черепами («мумии»). По данным Э. Б. Вадецкой, большинство этих погребенных — женщины (*Вадецкая*, 1986. С. 37), т. е. косы и сопутствующие аксессуары, найденные при «мумиях», могут рассматриваться как элементы женских причесок раннеташтыкского населения.

Большинство мужчин было погребено по обряду кремации, ранее не принятому у населения Минусинской котловины, что может означать принадлежность мужской части погребенных какой-то пришлой группе (*Вадецкая*, 1999. С. 47–49). При этом сожженные кости вкладывались внутрь т. н. погребальных кукол — полноразмерных имитаций человеческого тела, сшитых из кожи или меха и одетых в одежды, вероятно, принадлежавшие умершему. При создании куклы имитировалась и прическа, поэтому можно предполагать, что находимые с куклами косички или пряди волос были срезаны с головы того человека, чьи останки заключала кукла. Таким образом, прически мужчин воссоздаются, в первую очередь, по имитациям на погребальных куклах.

Детальному исследованию таштыкских причесок посвящены работы Э. Б. Вадецкой, которая проанализировала все доступные материалы и предложила убедительные реконструкции (*Вадецкая*, 1985. С. 7–14; 1987. С. 40–52; 1999. С. 49–54). Она изучала элементы причесок мумий и кукол по находкам А. В. Адрианова в Оглахтинском могильнике (*Адрианов*, 1903) и описаниям, содержащимся в его неизданных рукописях. Сложность работы с этими материалами состоит в том, что не всегда известно точное расположение вещей в погребениях, а находки рассредоточены по разным музеям. Они включают следующие предметы, связанные с прическами мумий и кукол:

1) пять целых берестяных цилиндрических футляров-накосников и фрагменты еще трех из могил 1, 2 (*Вадецкая*, 1985. С. 8, 11). Внутри и снаружи обшиты кусочками полихромного шелка и имеют отверстия для крепления булавками, иногда сохранившимися. Расположение за головами мумий позволяет считать их принадлежностью женского костюма (*Tallgren*, 1937. Fig. 2; The grand exhibition, 1988. Fig. 152);

2) две крупные косы из могилы 1. «Одна коса — шиньон, т. е. пряди волос обвиты вокруг кожаного жгута. <…> Длина косы 14,5 см. Другая коса — накладная, сплетена в три пряди волос, длиной 32 см. <…> В середине одной из прядей есть заплетенная косичка толщиной не более 1 см. Видимо, она вплеталась в пряди накладных волос для создания толстой косы. Берестяной колпачок-накосник слишком мал, чтобы закрывать свернутую на затылке косу. В то же время отверстие на задней стороне накосника почти совпадает по толщине с малой, туго заплетенной косичкой. Очевидно, кончик косы из собственных волос, свернутой и закрытой накосником, продевался через это отверстие и прикреплялся тем или иным способом к накладной косе» (*Вадецкая*, 1985. С. 10; *Сосновский*,

1 191186. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: svpankova@gmail.com.

1933. Рис. на с. 35; *Tallgren*, 1937. Fig. 4; *Вадецкая*, 1999. Рис. 5, *2, 3*);

3) три кожаных мешочка-накосника из могилы 1: с косичкой и булавкой внутри; с прядями волос; с травой. Их точное положение в погребениях неизвестно, однако «мешочки встречены в могилах, где похоронено по две человеческие мумии и не менее двух куколманекенов. <...> С мумиями найдены берестяные накосники и длинные косы. Значит, тоненькие косички в кожаных мешочках следует связывать с куклами» (*Вадецкая*, 1985. С. 11).

В других таштыкских могильниках за черепами погребенных сохранились костяные булавки, позволяющие предполагать присутствие накосников и причесок, подобных оглахтинским. Берестяной футляр найден в могиле 16 могильника Комаркова, однако здесь прическа могла быть иной, судя по расположению многочисленных шпилек (Там же. С. 9, 12).

Согласно выводам Э. Б. Вадецкой, общим элементом мужских и женских причесок была уложенная на темени небольшая косичка, закрывавшаяся каким-либо футляром (накосником) и крепившаяся с помощью булавок. У женщин к такой косичке могла прикрепляться толстая привязная коса-шиньон, а в качестве накосников использовались берестяные колпачки цилиндрической формы. При имитировании мужских причесок накосниками служили кожаные или шелковые мешочки, в которых вместо косички иногда помещены лишь пряди волос или трава.

Из оглахтинских погребений, исследованных Л. Р. Кызласовым, хорошей сохранностью отличались только находки из могилы 4. Они сразу были переданы в Эрмитаж на реставрацию, но оказались практически недоступны для изучения. Благодаря кратким описаниям автора раскопок было известно о «подковообразной» косичке с головы куклы и о «специально уложенной женской косе – шиньоне» (*Кызласов*, 1969а. С. 96; 1992. С. 66–67). Фотография мужской головы в маске и с сохранившейся на темени прядью волос была опубликована в короткой заметке эрмитажного реставратора Т. В. Коваленко (1972. С. 77–79). Коса женской мумии в 1970–1980-е гг. находилась в постоянной экспозиции Эрмитажа. Э. Б. Вадецкая скрупулезно собирала всю информацию, касающуюся находок из могилы 4, однако непосредственная работа с ними была невозможна, поэтому в описания неизбежно закрадывались неточности. Задача настоящей статьи — публикация новой информации о косах из этого оглахтинского погребения, полученная в ходе их недавнего изучения.

Погребения в могиле 4 сохранились практически нетронутыми, только из юго-восточного угла сруба, нарушенного грызунами, насыпалась сухая земля (*Кызласов*, 1969б. Л. 37–39). После снятия перекрытия были хорошо видны лежащие у южной и северной стенок сруба мумии мужчины и женщины, а между ними кукла. Вторая кукла, худшей сохранности, располагалась прямо под женским погребением (рис. 1, *1*).

Первая коса была найдена у женской «мумии» — скелета с частично сохранившимися связками. Описание косы и ее места в погребении приведены в полевом отчете: «...На черепе сохранились мягкие каштановые волосы с проседью, а под головой нашлась сложноуложенная женская, перевитая из двух косоплеток, коса типа "шиньон". Сделана из темно-каштановых человеческих волос, очевидно той же женщины. Под головой деревянная подушка – полено с двумя скосами, длиной 0,46 м» (Там же. Л. 45). На плане погребения коса показана под головой женщины или рядом с ней (рис. 1, *1*, *1*). О каком-либо крепеже косы не сообщается, и соответствующие предметы в районе головы не найдены. Костяные или деревянные булавки, обычно связанные с креплением причесок в таштыкских погребениях, здесь отсутствовали.

В настоящее время коса длиной 24,5 см смотрится единым негнущимся предметом во многом благодаря тому, что по всей длине пропитана каким-то клейким составом (рис. 1, *2*). Вначале не было ясности, является ли пропитка древней или это результат консервации, осуществленной в 1970-е гг. и документально не зафиксированной. Анализ вещества, проведенный в ОНТЭ ГЭ, показал, что коса покрыта смесью поливинилацетата и акрилового полимера. Эта реставрационная пропитка изменила облик волос, сделав их очень жесткими и толстыми, что зародило сомнение в их принадлежности человеку. Однако исследование, проведенное в биологическом отделе Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга, подтвердило, что волосы обеих косичек из могилы 4 человеческие.

На самом деле коса состоит из двух частей. Бóльшая часть представляет собой длинную (19,5 см), сужающуюся книзу плотную плетенку. Меньшая часть — это округлая «головка», свернутая из небольшой косички (рис. 1, *4*). Съемка в рентгеновских лучах выявила

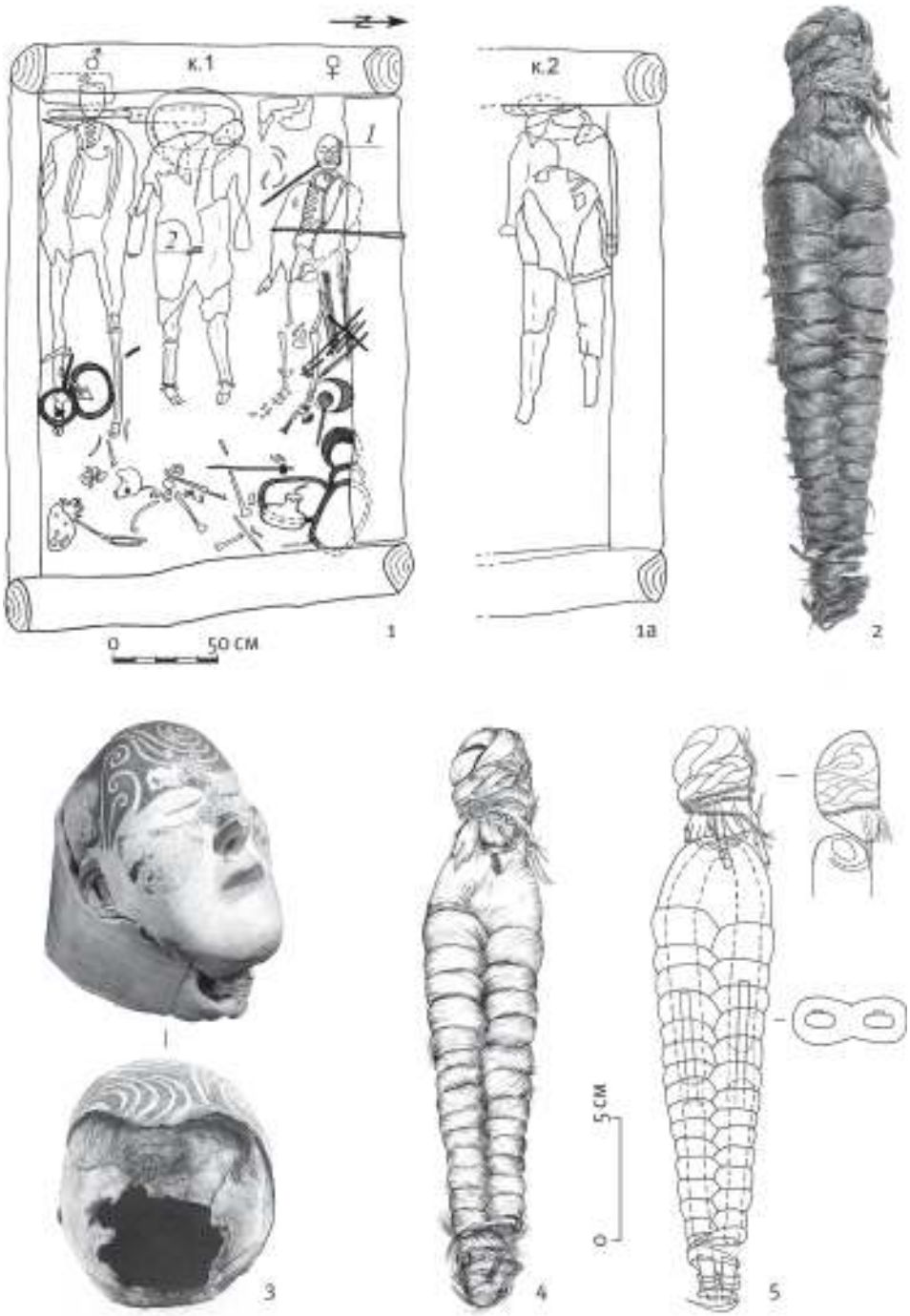

Рис. 1. Погребение 4 Оглахтинского могильника и коса женской мумии. *1* — план погребения (с рисунка Л. Р. Кызласова; 1а — кукла № 2 под мумией женщины: *1* — коса женской мумии, *2* — косичка куклы № 1, к. 1, к. 2 — куклы, ♂, ♀ — мумии мужчины и женщины); *2* — коса женщины, фото; *3* — трепанированная голова женщины в гипсовой маске; *4* — коса, прорисовка; *5* — коса, конструктивная схема.

2, 4, 5 — волосы, мех; *3* — череп, кожа, волосы, раскрашенный гипс.

Fig. 1. Burial 4 of the Oglakhty cemetery and the plait of a female mummy. *1* — plan of the burial (after drawing by L. R. Kyzlasov; 1 a – mannequin no. 2 beneath the mummy of a woman: *1* — plait of a female mummy, *2* — plait of mannequin no. 1, к. 1, к. 2 — mannequins, ♂, ♀ — mummies of a male and a female); *2* — plait of a woman, photo; *3* — trepanized head of a woman in a gypsum mask; *4* — plait, detailed drawing; *5* — plait, design scheme.

2, 4, 5 — hair, fur; *3* — skull, skin, hair, painted gypsum.

наличие подковообразного каркаса внутри длинной плетенки (рис. 1, *5*). Основа каркаса представляет собой полосу кожи или меха, свернутую в трубку диаметром 0,7–0,9 см, немного уплощенную. О том, что это скорее был мех, свидетельствуют микрофотографии каркаса с ясно видимыми ворсинками. Оба конца каркаса нарушены, разорваны в средней и нижней частях.

В средней части косы на каркас положены две плоские палочки длиной около 5 см, шириной 0,5 см. Палочки сделаны из древесины кизильника (*Cotoneaster sp*). Однако в ходе исследования возникло сомнение в оригинальном характере палочек как деталей каркаса. Оказалось, что они закреплены на меховой основе синтетическим полимером, близким к материалу пропитки поверхности косы. Кроме того, каркас разорван как раз под палочками, что может объяснять их реставрационную роль — для скрепления и фиксации концов. При этом функция палочек в составе оригинального каркаса не очень понятна. К сожалению, при отсутствии информации об исходном облике и факте реставрации археологического предмета его исследование порой превращается в выявление проводившихся с ним реставрационных процедур, с чем и пришлось столкнуться в данном случае.

Чтобы понять, как именно сделана длинная плетенка оглахтинской косы, была сплетена похожая косица из ниток мулине на проволочном каркасе. Оказалось, что нужно взять длинную прядь срезанных волос (ниток), перекинуть через изгиб проволоки так, чтобы получились две пряди равной длины, а дальше оплетать каждой прядью противоположный конец каркаса, перекрещивая пряди между собой. Таким образом, длинная косица — это шиньон.

Верхняя часть женской косы представляет собой свернутую косичку, сплетенную в три пряди и несколько раз обмотанную своим тоненьким концом (рис. 1, *2, 4, 5*). С одной стороны этого «клубка» сохранились отдельные пряди, выходящие изнутри и оборванные на поверхности. С долей осторожности в них можно предполагать место изначального среза косы с головы человека. То есть если длинная часть косы была определенно изготовлена из срезанных волос, то короткая могла представлять косичку, уложенную «в комок» на голове, а уже потом срезанную. Тонкость косички предполагает, что волосы в нее могли быть собраны не со всей головы, а лишь с небольшого участка, что уже отмечалось для подобных случаев Э. Б. Вадецкой (*Вадецкая*, 1987. С. 51).

Обе части косы сплетены из волос одинакового темно-каштанового цвета с рыжеватым отливом, которые могли принадлежать одному человеку, хотя подтвердить это сложно, как сложно установить их идентичность сохранившимся волосам на голове женщины.

Как соединялись между собой описанные части косы? Вероятнее всего, с помощью волосяной петли. У верхнего края длинной плетенки, прямо над изгибом каркаса, выделяется маленькая прядка волос, уходящая вглубь косицы (рис. 1, *4, 5*). Правда, ожидаемое с обратной стороны продолжение петли не фиксируется, и сегодня детали держатся вместе лишь на одном ее конце, видимо благодаря укрепляющей пропитке. Прояснить точную конструкцию косы могли бы результаты ее томографического исследования.

Как крепилась коса на голове и почему она найдена отдельно? На мой взгляд, коса слишком длинная и прямая для того, чтобы *укладываться* на голове. Характер соединения ее частей допускает, что длинная плетенка носилась в подвешенном состоянии, представляя собой т. н. подвязную косу. Череп женщины трепанирован в затылочной части, причем отверстие достаточно велико — около 10 см в диаметре (рис. 1, *3*) (*Гохман*, 1989. Рис. 5). Кожа вокруг отверстия отсутствует, возможно, она была удалена перед проведением операции. Коса могла быть срезана тогда же, в связи с необходимостью трепанации. Возможно, однако, что косичка, к которой крепилась подвязная коса, была заплетена и уложена не на затылке, а на темени, выше места трепанации. Здесь между отверстием и верхним краем маски, по центру головы сохранился выделяющийся участок кожи 4 × 5 см с остатками коротких волос (рис. 1, *3*) (*Вадецкая*, 2009. Рис. 99, *б–г*).

Таким образом, прическа женской мумии из могилы 4 изначально могла выглядеть следующим образом. На затылке или темени была свернута тонкая косичка, заплетенная из собственных волос, длиной, вероятно, не менее 15–20 см. К ней с помощью волосяной петельки крепилась подвязная коса, сплетенная из двух прядей на каркасе из меховой трубочки. Оставались ли еще волосы вокруг косицы, и как они выглядели, сказать трудно. На сегодняшний день кожа и волосы на открытых участках головы практически отсутствуют, но сохранились под маской. Остается неясным,

связано ли это с устройством прически, подготовкой к трепанации или прошедшими столетиями.

Предложенный вариант оформления волос похож на реконструкцию, сделанную Э. Б. Вадецкой на материалах из оглахтинской могилы 1 (*Вадецкая*, 1987. С. 49–50). Там, однако, на нашу подвязную косицу больше похожа вторая, не включенная в реконструкцию коса-шиньон (*Вадецкая*, 1999. Рис. 5, *2*). В могиле 1 в убранстве волос использовались берестяные накосники, в могиле 4 такие предметы отсутствуют. Значит, варианты оформления женских причесок могли быть разными, при сохранении, однако, общих особенностей.

Вторая косичка из могилы 4 принадлежала одной из кукол: «Кукла № 1 лежала посреди гробницы, между остовами мужчины и женщины, на большом корытообразном куске толстой березовой коры. <…> На голове ее посредине есть выступ из кожи для короткой мужской «косы», вернее косообразной прически. Оторванная оттуда «косичка» передвинута мышами на живот кукле, где и была обнаружена. Она скручена из темно-каштановых человеческих волос» (*Кызласов*, 1969б. Л. 44) (рис. 1, *1, 2*; 2, *1–4*).

Действительно, хотя косичка найдена не *in situ*, ее изначальное положение вряд ли вызывает сомнения. На темени кожаной головы куклы сохранился кусочек полихромного шелка размерами 4,5 × 4 см. Он пришит с трех сторон, образуя своего рода кармашек. Четвертая сторона шелка оборвана, однако благодаря нитям, сохранившимся в швах пришивки к кожаной голове, восстанавливаются изначальные очертания шелкового «аксессуара» на голове куклы. Он имел прямоугольную форму и размеры около 4,5 × 11,5 см (рис. 2, *3, 4*). Объемная косичка длиной 8 см и диаметром 4–4,5 см вполне могла поместиться в таком футляре. В сохранившемся шелковом кармашке, однако, сейчас находится пучок жесткой травы (помещен в накосник вместе с косичкой?).

Косичка представляет собой заплетенную в три пряди косу из мягких тонких волос, сложенную, вероятно, пополам в ее верхней части и закрученную тоненькой косичкой из оставшихся нижних волос (рис. 2, *1, 2*). Тонкость таштыкских косичек на концах может свидетельствовать о том, что пряди, из которых они сплетены, никогда не подстригались. В средней части косички сохранилась деревянная шпилька диаметром 3 мм, с закругленным кончиком, воткнутая поперек. Противоположный конец шпильки не виден, а на рентгеновском снимке она вообще не читается.

С одного конца косички (вверху на рисунке) торчит незаплетенная прядь — по-видимому, здесь коса была срезана с головы. Рядом сохранились фрагменты кожаных шнурков — возможно, остатки ремешка, который перевязывал косу у основания волос или был частью футляра-накосника. Вероятно, перед сожжением тела умершего косичка, уложенная на его голове, была отрезана и при изготовлении куклы помещена на ее кожаную голову так, как она носилась при жизни.

Очертания шелкового накосника на темени куклы аналогичны вырезу гипсовой маски на голове мужской мумии из этого же погребения, обрамляющему густую прядь волос (рис. 2, *3–5*) (*Вадецкая*, 2009. Рис. 98, *в*). Оглахтинская мужская мумия — это редкий для таштыкских могильников случай погребения мужчины по обряду ингумации. Одновременно она представляет единственный сохранившийся образец мужской прически, представленный не имитацией. Волнистый характер прядей не исключает, что волосы на темени были заплетены в косу, хотя к моменту расчистки в Эрмитаже (при снятии шапки с головы мумии) она уже распустилась. Какого-либо футляра или крепления предполагаемой косы не зафиксировано. На затылке кое-где остались неравной длины волосы, однако об их роли в прическе что-то определенное сказать сложно.

Сходство мумии и куклы из могилы 4 заметно и в оформлении их «лиц» — раскраске маски мумии и тканевого лица куклы. Предметы одежды кукол и мужской мумии по предварительным наблюдениям также отличаются большим сходством, проявляющимся в покрое штанов, шуб и шапок, а также обуви. То есть мужчины, погребенные в могиле 4 по разным обрядам, при жизни могли носить одинаковую одежду и похожие прически. В вопросе о соотношении кукол и мумий, в том числе немногочисленных мужских ингумаций, еще много неясного. Следующим шагом на пути его прояснения может стать изучение предметов одежды.

Л. Р. Кызласов упоминает находку «человеческого скальпа с волосами» на голове второй куклы из могилы 4 (*Кызласов*, 1992. С. 67). Из подобных предметов в эрмитажной коллекции есть только кусок кожи размером 8 × 8 см с отдельными короткими светлыми волосами. У этой куклы от головы сохранилась только

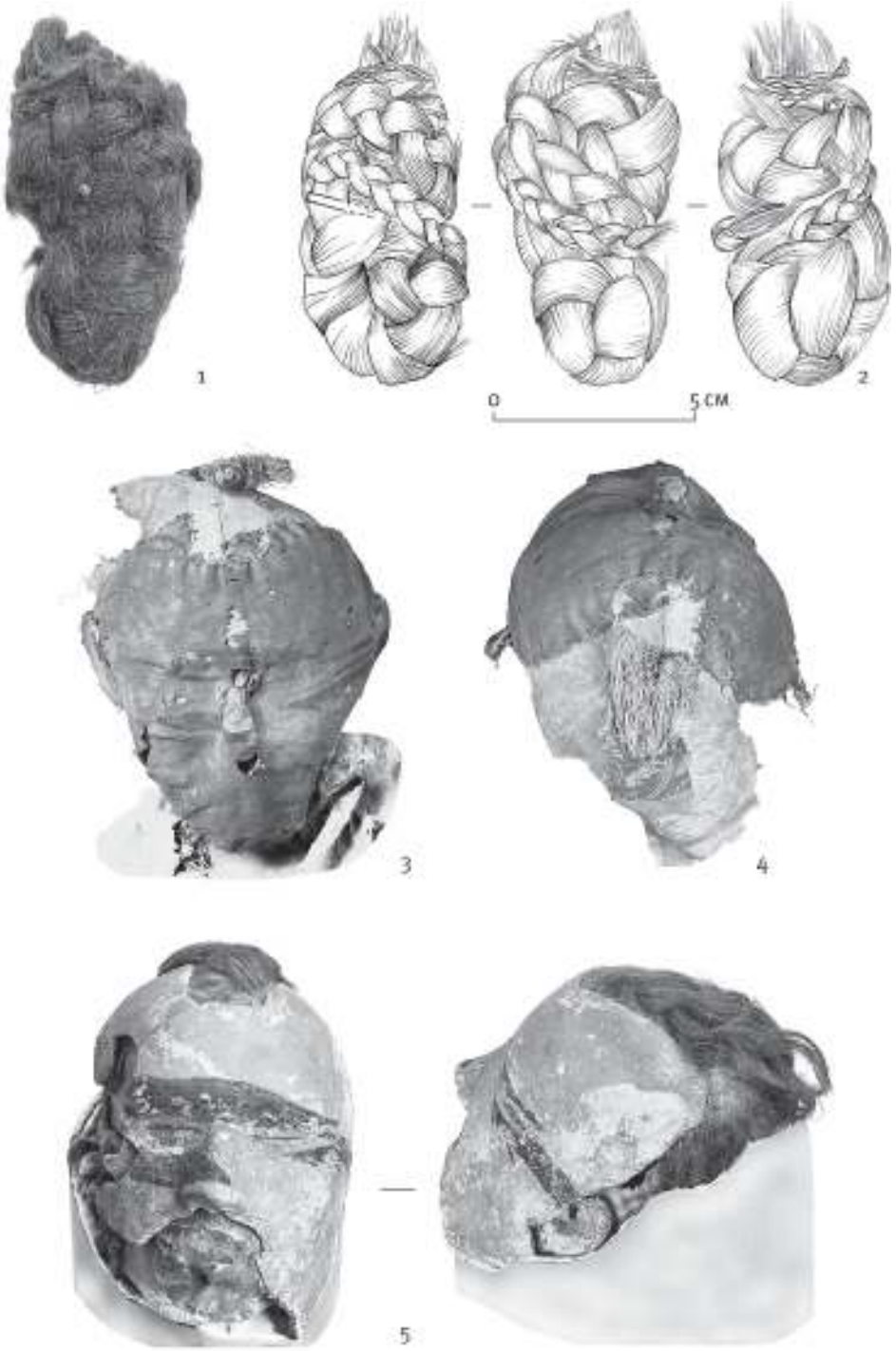

Рис. 2. Детали мужских причесок в погребении 4 Оглахтинского могильника.

1 — косичка куклы № 1, фото; *2* — косичка куклы № 1, прорисовки; *3* — голова куклы № 1, вид спереди; *4* — голова куклы № 1, вид сверху; *5* — голова мужской мумии в гипсовой маске.

1, 2 — волосы, дерево; *3, 4* — кожа, ткань, трава; *5* — череп, кожа, волосы, раскрашенный гипс, шелк.

Fig. 2. Details of male hair designs in burial 4 of the Oglakhty cemetery.

1 — plait of mannequin no. 1, photo; *2* — plait of mannequin no. 1, detailed drawings; *3* — head of mannequin no. 1, front view; *4* — head of mannequin no. 1, view from above; *5* — head of a male mummy in a gypsum mask.

1, 2 — hair, wood; *3, 4* — leather, textile, grass; *5* — skull, skin, hair, painted gypsum, silk.

узкая полоска кожи, поэтому судить о положении «скальпа» и его роли сегодня сложно.

Представленные материалы показывают, что косы из оглахтинских погребений и связанные с ними прически отличались узнаваемым своеобразием. Уже было отмечено сходство мужских причесок с изображениями на более поздних тепсейских плакетках (*Вадецкая*, 1985. С. 11). Новое неожиданное наблюдение сделал К. В. Чугунов, отметивший сходство каркаса женской косы и железных предметов U-образной формы, найденных в погребениях постскифского времени на могильниках Суглук-Хем I и Хайырыкан в Туве. Эти предметы, называемые шпильками, близки оглахтинскому каркасу по размерам и найдены в районе головы погребенных (*Семенов*, 2003. С. 44, табл. 76, *18*; 88, *7, 12*; и др.). Соотнесение таштыкских причесок со способами оформления волос других групп населения — это уже тема иного исследования[2].

2 Приношу искреннюю благодарность коллегам из Государственного Эрмитажа, заинтересованно участвовавшим в исследовании оглахтинских кос: Н. А. Балабану (лаборант ОАВЕС — рисунки кос); Н. А. Васильевой (художник-реставратор Лаборатории научной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов — исследование под электронным микроскопом и консультации); И. А. Григорьевой (с. н. с. ОНТЭ — определение вещества пропитки женской косы методом оптической и ИК-Фурье спектроскопии); М. И. Колосовой (в. н. с. ОНТЭ, к. б. н. — определение древесины палочек микроскопическим методом по признакам анатомического строения); С. В. Хаврину (зам. зав. ОНТЭ — рентгенография); фотографам П. С. Демидову и С. В. Суетовой. Благодарю эксперта Бюро судебно-медицинской экспертизы Санкт-Петербурга Э. С. Маилян за определение биологической принадлежности волос обеих кос.

Литература и источники

Адрианов, 1903 — *Адрианов А. В.* Оглахтинский могильник // XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. К №254 от 23 ноября.

Вадецкая, 1985 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкские накосники и прически // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. М., 1985 (КСИА; вып. 184).

Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников // Ранний железный век. М., 1986 (КСИА; вып. 186).

Вадецкая, 1987 — *Вадецкая Э. Б.* К выявлению этнических признаков населения таштыкской культуры // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987.

Вадецкая, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999 (Archaeologica Petropolitana. VII).

Вадецкая, 2009 — *Вадецкая Э. Б.* Древние маски Енисея. СПб., 2009.

Гохман, 1989 — *Гохман И. И.* Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология – медицине / ред. Т. И. Алексеева. М., 1989.

Коваленко, 1972 — *Коваленко Т. В.* Реставрация гипсовых погребальных масок // СГЭ. 1972. Вып. XXXV.

Кызласов, 1969а — *Кызласов Л. Р.* Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад // Наука и жизнь. 1969. № 12.

Кызласов, 1969б — *Кызласов Л. Р.* Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1969 г. НОА ИА РАН. Р-1. № 4010. 1969.

Кызласов, 1992 — *Кызласов Л. Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992.

Семенов, 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглук-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003 (Тр. ИИМК РАН; т. IX).

Сосновский, 1933 — *Сосновский Г. П.* О находках Оглахтинского могильника // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933.

The Grand Exhibition, 1988 — The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. The Silk Road: The Oasis and Steppe Routes. Nara, 1988.

Tallgren, 1937 — *Tallgren A. M.* The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period // ESA. 1937. XI.

С. В. Панкова

Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника

В статье публикуются две косы из человеческих волос, обнаруженные в погребении 4 Оглахтинского могильника (раскопки Л. Р. Кызласова 1969 г., хранятся в Государственном Эрмитаже). Одна коса принадлежала женщине, погребенной по обряду ингумации с трепанированным черепом, другая «кукле» — имитации человеческого тела с кремированными костями — скорее всего, захоронению мужчины. Косы исследованы в ОНТЭ ГЭ. Женская коса общей длиной 24,5 см состоит из двух частей, соединенных с помощью волосяной петли: свернутой тонкой косички, при жизни женщины уложенной на ее голове, и подвязной косицы, сплетенной на каркасе из меховой трубочки. Подвязная коса подобной конструкции происходит из оглахтинской могилы 1 (раскопки А. В. Адрианова). Вторая, свернутая косичка длиной 8 см изначально находилась на темени куклы, закрытая шелковым прямоугольным футляром, что сопоставимо с оформлением волос мужской мумии из того же погребения. Вероятно, мужчины, погребенные в могиле 4 по разным обрядам, при жизни могли носить похожие/одинаковые прически, несмотря на их предполагаемое разное происхождение.

S. V. Pankova

Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery

This paper publishes two human-hair plaits found in burial 4 at the Oglakhty burial ground (L. R. Kyzlasov's excavations of 1969, kept in the State Hermitage). One plait belonged to a woman interred according to the inhumation rite with a trepanized skull and the other plait was that of a funerary mannequin, i. e. an imitation of a human body with cremated bones — most likely, a male burial. The plaits were investigated at the Laboratory for Scientific and Technical Expert Evaluation of the State Hermitage. The female plait with the total length of 24.5 cm is composed of two parts joined with a hair loop. The latter was a coiled thin plait arranged on the woman's head in her lifetime. In addition the plait was fixed with a tied-up lock of hair plaited on a frame of a fur tube. A similar tied-up plait comes from Oglakhty grave 1 (excavations of A. V. Adrianov). The second small coiled plait, 8 cm long, initially was on the top of the head of the doll covered with a rectangular silken case reminding the hair design of a man's mummy from the same burial. Possibly, the men interred in burial 4 according to differing rites had in their lifetime similar or identical hair styles notwithstanding their presumably different descent.